

ДАНА БЛЭК

ЮЛИЯ ГАУФ

МОИ ЛЮБИМЫЕ ПРЕПОДЫ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

**Дана Блэк
Юлия Гауф
Мои любимые преподады**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69766960

SelfPub; 2023

Аннотация

Они – мои бывшие преподады, наследники двух влиятельных семей города. Они смазливые, порочные, чарующие подлецы. Нас связывали любовь, страсть и летние ночи, а мое счастье казалось бескрайним. Но теперь я не подпущу их близко, не прощу и не дам вернуться. Я жду ребенка. И сохраню эту тайну. МЖМ (отношения девушки с 2 мужчинами)

Содержание

Глава 1. Ева	4
Глава 2. Ярослав	10
Глава 3. Ева	15
Глава 4. Сергей	20
Глава 5. Ева	25
Глава 6. Ярослав	30
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Юлия Гауф, Дана Блэк

Мои любимые преподады

Глава 1. Ева

– Все купила? – подозрительным вопросом встречает меня мама, когда я, нагруженная пакетами, заваливаюсь домой.

– Не все, – отдуваюсь и ставлю покупки на пол. – Тяжело тащить. Папа ведь на машине, напиши ему, пусть вечером докупит.

– Ты нашего папу не знаешь? – она подхватывает пакеты. – Ему пока объяснишь, что купить, успеешь десять раз сбегать сама.

Тут согласна, папа мыслями в науке своей, для него эти приземленные бытовые темы неразрешимы, недоступны, в магазине он потеряется, как ребенок малый.

– Ева, – доносится с кухни недовольный голос мамы. – Ничего тяжелого. Магазин в двух шагах, не сломалась бы, что я буду на стол ставить?

Меня это волнует в последнюю очередь.

Двигаю зеркальную дверь шкафа купе и встаю в профиль, смотрю на живот.

Может, еще рано, и я зря паникую, но беременным тяжести таскать нельзя.

А я беременна.

Несколько раз повторяю про себя это слово. Кладу ладонь на живот. Вздыхаю. И тихо, еле слышно, обещаю:

– Не бойся, мама тебя ждет – это главное. А со всем остальным мы справимся.

Мою руки и прохожу на кухню. Смотрю на фирменные пакеты, заваленный продуктами стол.

Сегодня празднуем годовщину свадьбы родителей, ровно двадцать пять лет назад, двадцать пятого августа они стали мужем и женой.

Спустя несколько лет родилась я, в законном браке, по другому и быть не могло в семействе Снежинских, но скоро я нарушу традицию.

Отец моего ребенка сейчас или в изоляторе сидит, или...

– Ева, – мама моет овощи, вода шумит и брызжет в стороны. – Конец августа, что думаешь с учебой? Сессия у тебя закрыта, документы ты из университета не забрала. Четвертый курс, Ева. Надо возвращаться.

Морщу нос и беру яблоко, тихо, пока она не видит, пячусь из кухни.

Разговоры про учебу злят, бесят, ведь я понимаю, что мама права, глупо выбрасывать три года на ветер, но вернуться я в тот город не могу, ведь там они.

Мои мужчины, мое проклятье, дьяволы-искусители, потоптавшиеся на моей жизни.

– Надо ехать, Ева, – мамины нотации слышны, даже когда

я выхожу в коридор. – Тебя туда, за тысячу километров от дома никто не тянул, сама собралась, со всеми поругалась, уехала. Так оставайся взрослой и доведи дело до конца, два года учиться осталось.

С хрустом откусываю яблоко, ее голос заглушаю.

Иду в свою комнату и в сотый раз подсчитываю в уме.

Мне рожать через полгода. До зимней сессии, может, дотяну, но ходить по универу с пузом на носу?

Грызу яблоко, включаю ноутбук. Проверяю сообщения от подруги, она ту же самую песню поет, что я вернуться обязана.

Качаю головой и закрываю переписку. Смотрю в экран, на заставку с улыбающимся карапузом.

– Ты такой же будешь, – говорю шепотом, глажу живот.

Глаз не свожу с клавиатуры. И, не удержавшись, вбиваю в поиск привычный запрос.

Я каждый день это делаю, читаю новости в небольшом, ничем не примечательном городе, что находится за тысячу километров от меня.

Самой себе вру, что таких куча разбросана по стране. На площади памятник Ленину, есть улица Советская, широкий пешеходный проспект с магазинами и кафешками – эти города-клоны с высотками и их жителями и спустя век одинаковыми будут – говорю себе.

И в нетерпении пробегаю глазами заголовки новостей.

Программа озеленения... – не то. Началось строительство

нового жилого комплекса... – не то.

Слушание по делу Ярослава Воронцова, сына начальника автоинспекции переносится...

Сердце заходится в груди.

Вот оно.

Затаив дыхание читаю несколько скупых строчек о мужчине, которого я из мыслей за три месяца так и не вытравила.

Несмотря на то, что он сделал.

Кусаю кончики пальцев и волнуюсь, почему, почему они постоянно откладывают суд, что с ним, как он там, меня в жар бросает, к горлу подступает тошнота, и я откидываюсь на стуле.

– Нельзя волноваться, – шепотом себя уговариваю. Ладонью накрываю живот. – Мама сейчас успокоится.

Шумно дышу носом, в порядок привожу чувства. Кручу колесико мышки, ленту новостей листаю вниз. Глазами выхватываю броский заголовок, яркую фотографию и подаюсь вперед, к экрану.

Четвертого сентября, в субботу, сын прокурора города Сергей Штерн вступит в брак... в Центральном ЗАГСе... торжество будет проходить...

Хлопаю крышкой ноутбука, ничего больше не вижу, только фотография из статьи, в воздухе зависла, разъедает его, перед глазами стоит, не стирается, широкая улыбка блондинистого красавчика, его рука, обнимающая талию девушки, ее высокомерный взгляд, хватит, хватит!

Давлю пальцами виски и выскакиваю из-за стола.

Женится, он женится!

По комнате лечу к окну, распахиваю створку, ладонью со всей дури врезаюсь в сетку от комаров, и она с треском выскакивает из пазов, переворачивается и летит вниз.

Ложусь на подоконник, судорожно втягиваю воздух.

Напротив детская площадка, высотка, под моим окном растет вишня, внизу по земле ходят голуби.

За тысячу километров отсюда самый необычный город на свете.

Там жила я, там живут они, там я любила, страдала, обнимала и целовала, пила кофе на лучшей в мире кухне, в клубе на стойке танцевала ламбаду, выгибалась на кровати в отеле, ругалась за поломанные кустике в парке универа.

А теперь Сергей женится, Ярослав сидит, а я здесь и...

Отгалкиваюсь от подоконника и трогаю живот.

– Они просто козлы, – шепотом сообщаю будущему ребенку. – Они про тебя не знают, но разве так можно.

Хожу по комнате, не найду себе места.

Мама зовет на кухню, помогать с готовкой.

Медленно шагаю на ее голос.

Что будет, когда я родителям про ребенка скажу? Их хватит инфаркт, сразу обоих.

Где отец – спросят они.

А нас троих раскидало в разные стороны. В сентябре мои преподавы не вернуться в универ. Они даже не узнают, что я

приехала в город.

Осталось два года, мне профессия нужна, я ребенка жду. Мне уехать от родителей нужно, пока они не догадались.

– Мам, – заглядываю на кухню. – Я подумала, и ты права. Буду продолжать учиться. Завтра... еду обратно.

Глава 2. Ярослав

– Воронцов, почта.

При словах этих вздрагиваю, и вспоминаю лежащий под подушкой желтый галстук. Галстук, который не положено иметь в камере СИЗО, но мне его передали. А еще записку: «От Евы».

Ева... интересно, как она? Скучаю по ней невыносимо. Каждый день, каждый час, каждую минуту вспоминаю, перед глазами ее бледное лицо в нашу прошлую встречу – не поверила. Запуталась совсем, да я и сам хорош, раз устроил перед ней ту сцену.

Сколько спрашивал у адвоката, у Серого, который был у меня в прошлом месяце, у родных – все лишь глаза отводили, чем довели меня до ручки. А еще этот галстук, кричащий о том, о чем я сам должен был догадаться: Ева – Лилит.

А не сучка-Лиля.

Подхожу, принимаю посылку, и иду обратно в пятую камеру пятого следственного изолятора, сопровождаемый конвоем. «Сынок, питайся хорошо, мы скоро тебя освободим! Люблю, мама» – читаю я.

Мама немногословна, я в нее пошел.

Вот только в то, что освободят меня, я не верю: отца с должности сняли, семья на плохом счету теперь, но мама, отец и Серый полны какого-то большого энтузиазма. Лживо-

го, как по мне.

Самообман все это.

– Слышь, может, правду уже скажешь? Хоть мне, по-братски, насильовал ту телку, а? – снова пристает сокамерник.

Витя, он же Вепрь, как просил его называть. Сидит за столом, уставившись в маленький телевизор с круглым экраном, и я славлю присланные матерью продукты рядом. Общее здесь все, да и ни к чему мне все эти вкусности, в горло не лезут.

– Правду я уже сказал.

– Не насильовал, значит? Ну да, мы все здесь невинные собрались, – заржал Вепрь, и достал мозолистыми пальцами сигарету. – Ну а если серьезно? Слухи-то быстро расходятся, и все знают про ту хату, на которой ты элитную девку поимел.

Элитная девка, лучше и не скажешь. Дорого мне Лиля обошлась, очень дорого. И ведь доказательства к делу пришли: простынь с моим материалом, свидетелей слышавших крики, свидетелей видевших, как Лилю утаскиваю.

И ее справки из травмы. Следы насилия, которых не могло быть.

Но губернатор на славу постарался, спасибо Насте.

– Ну и долго мы будем играть? – сел на нары, закурил по приобретенной в камере привычке, и усмехнулся. – Нас пишут, и я знаю об этом, сам работал в подобной системе. Так нужно мое признание, да? Но зачем, если доказательства

неоспоримы?

– Слышь, ты меня стукачом только что назвал?

– Спокойно, – киваю Вепрю, и он обратно садится, на удивление послушно. – Ну я не такой тупой, и сразу просек, что тебя специально ко мне посадили. Камера двухместная, здесь содержатся не обычные подследственные, а своеобразная элита, к которой ты не относишься. Так вот: никого я не насиловал, и закроем эту тему. Ах, да, угощайся.

Глазами указал на передачу из дома, и вдохнул в легкие дым.

Губернатор не идиот, и он знает, что Лилю я не насиловал. Меня ведь проверяли, прежде чем Настю мне подсунуть в невесты, и все они знают, что не способен я на подобное. Но любое неосторожное слово, брошенное Вепрю, могло послужить причиной обвинительного приговора.

А значит, нужно держать себя в узде, и больше молчать. Тем более, у меня это отлично получается.

– Воронцов, посетитель. Три шага вперед, и не двигаться.

Камера открывается, и я послушно выхожу – с ними лучше не спорить, чтобы в карцере не оказаться. Здесь хоть условия мягкие: конвой есть, но в наручниках водят лишь убийц.

Меня просто сопровождают к комнате свиданий, и я сначала думаю, что адвокат пришел. Но меня ведут дальше, заводят в переговорную, где за стеклянным стеклом я вижу Серого.

– Привет, – беру трубку, и здороваюсь с приятелем, которого чертовски рад видеть. – Отец уступил свое свидание? В этом месяце оно последнее.

– Да, уступил.

– Я рад, – искренне говорю, ведь так оно и есть.

Один лишь Серый, хоть и раздражает меня своим двинутым энтузиазмом, но зато не смотрит, как собака побитая. И не жалеет меня, как отец с матерью. Просто поддерживает, и этого достаточно.

– Ева... что о ней слышно? Ты звонил ей?

– Давай лучше о тебе поговорим.

– Серый, давай лучше о Еве. Меня достали эти хреновы тайны. Просто скажи, где она, и как она! – как же бесят эти недомолвки, а о Еве все предпочитают молчать, и даже родители, которые узнали нашу с ней историю, глаза отводят.

– Каникулы. Дома она, – отрывисто отвечает Штерн. – Мы не общаемся, и хватит на этом.

– Не хватит. Твою мать, ты можешь нормально объяснить мне, что случилось? Она не выходит на связь?

Серый криво улыбается, и пожимает плечами. Не хочет говорить о ней, или...

– С ней все в порядке? Хоть это скажи! – прошу, а сам холодею: вдруг с Евой беда, потому все и молчат о ней, чтобы меня не расстраивать.

– С ней все в порядке. Говорю же, каникулы, она дома. Не местная ведь, уехала. Я вот зачем пришел, – лицо друга

застывает маской, скулы заостряются. – Я женюсь скоро, Яр. Свадьба в сентябре.

Первая мысль – на Еве женится. Я в СИЗО, Серый на свободе, и выбор очевиден: зачем ей насильник, если рядом есть Сергей Штерн, который безумно влюблен?

Тогда все логично и все понятно.

– На Насте. Она скоро станет моей женой, я должен был тебе сказать. А еще знай: совсем скоро ты выйдешь, сейчас я могу тебе это пообещать.

Глава 3. Ева

На вокзале шумно, народ с чемоданами, все целуются, провожают друзей и близких.

Идем с мамой по платформе, я ем мороженку.

Три месяца назад я так же шла, держала в руках вафельный стаканчик, а потом меня окрикнул он.

Сергей.

Он женится, и это в голове не укладывается, тогда, на перроне, мне показалось на секунду, что я ему нужна, правда.

Но он женится.

Эта мысль всю ночь калечила мозг, и на утро никуда не исчезла.

И я роняю мороженку.

– Ева, ну что ж ты, – огорчается мама и быстро смотрит по сторонам. Носком туфли пинает вафельный стаканчик с дороги. – Рассеянная ты какая-то, – он везет чемодан, колесики скрипят. Она косится на меня. – Ты сама-то доедешь? Не заблудишься?

– Мама, ну не в первый раз же, – останавливаюсь возле поезда. – Не выпалась.

– Меньше надо в интернете сидеть, – она передает мне чемодан. – А утром я слышала, тошнило тебя? – она щурится.

– Вчера ваша годовщина была, – в глаза ей вру. – Переела, похоже, сегодня проснулась, а в животе будто бы булыжники

лежат.

– Я тебе сразу говорила, не налегай на соленья, – она наклоняется и клюет меня в щеку. Кратко обнимает, поправляет на плечах платье. – Ты имидж сменила? – замечает вдруг.

Вздыхаю.

Мне надоели очки и хвосты, и серые балахоны тоже, мне нравятся распущенные волосы. И летние платья.

Мне хочется женщиной себя чувствовать, настоящей, элегантной, как мама, я ведь сама жду ребенка. Мышь или мышара, или как там меня называли Сергей и Ярослав – осталась в прошлом. Я Ева Снежинская, и все у меня получится.

– Деньги на квартиру я тебе переведу, – дает напутствия мама. – Но смотри, Ева, кругом много мошенников, досконально все проверяй. И сразу, как найдешь квартиру – пиши мне. А еще лучше – первое время пожить в общежитии, чтобы никуда не торопиться, спокойно искать.

– Поняла, – обнимаю ее и отстраняюсь. – Я поехала.

– Звони, Ева.

Она остается на платформе, и даже когда я нахожу свое место в поезде и сбрасываю сумки на кровать – мама до сих пор стоит там, вижу ее в окно.

Прижимаюсь носом к стеклу, машу ей, и глаза на мокром месте, а внутри растет чувство вины.

Родители так обрадовались, что я передумала бросать институт, папа даже решил, что хватит с меня общежитий, лучше снимать квартиру, я ответственная и учусь прекрасно,

пусть и не послушала их, после школы уехала так далеко.

А я не стала спорить, квартира – это гораздо удобнее, чем комната в общежитии. В моем положении.

Поезд трогается, выворачиваю шею, смотрю на удаляющуюся фигурку мамы и плюхаюсь на кровать.

В сторону отъезжает дверь.

И в купе заваливается высокий взъерошенный парень в серой толстовке. А за ним второй. Те же густые волосы, небрежная челка падает на глаза, на губах блуждающая улыбка, они оба явно не спали всю ночь и сейчас страдают похмельем.

– Какая у нас соседка, – говорит тот, что в толстовке и подмигивает. – А я боялся, что тут тетка будет сидеть и яички колоть об стол, а потом с луком, с солью...

– И курочку вареную в фольге, как в анекдотах, – поддакивает второй и плюхается на нижнюю полку, напротив меня. – Признавайся, – он кивает на мою сумку. – Взяла с собой курочку?

– Есть вагон-ресторан, – сдержанно отвечаю и с тревогой наблюдаю за ними. Я права, они навеселе, выгружают на стол бутылку дорогого спиртного, кока-колу, черный шоколад и лимон.

– Лимон умеешь нарезать? Тонко, – обращаются ко мне. Качаю головой.

– Жаль. Вадим, тогда ты хозяйничай, – говорит парень в серой толстовке Вадиму.

Тот достает красивый, инкрустированный белыми камнями, складной нож. Двигает к себе лимон.

С тоской наблюдаю за приготовлениями, эти парни чем-то напоминают Сергея и Яра, такие же веселые, беззаботные, самоуверенные, готовые от жизни брать все, как к в ночь нашего знакомства в клубе. Уже не студенты, и так же, один в классическом черном костюме.

А второй стягивает толстовку и остается в белой майке, под которой угадывается тренированное тело.

– Ты виски с кока-колой будешь или чистый? – перед моими глазами появляется выскйй пластиковый стаканчик.

– Я беременна, – неожиданно вылетает у меня.

Они переглядываются и присвистывают.

А у меня в ушах эхом звучит моя собственная фраза. Впервые я сказала это вслух, не самой себе, а кому-то.

Не родителям, не Оле, не Сергею и не Яру, а случайным попутчикам.

– Куда едешь? – Вадим опрокидывает в себя виски и забрасывает в рот тонкий кусочек лимона.

– На учебу. Четвертый курс...

– Студентка, – они чокаются стаканчиками. – А мы аспиранты, представляешь, мы – и аспиранты.

Они раздражаются хохотом, и я невольно улыбаюсь. Вижу их двоих, как на ладони, брендовая одежда, стойкий запах парфюма, легкая небритость – лучшие друзья, безответственные мажоры, которых высокопоставленные отцы взя-

лись воспитывать.

– Сказать, что с вами дальше будет? – подаюсь вперед.

– Жги, – отвечает Вадим, ломает шоколадку.

– Вы охмурите какую-нибудь студентку, в уши ей напоете, как любите ее. Она забеременеет. А потом один из вас сядет за изнасилование, а второй соберется жениться. На чужой невесте. Вот так, – выдыхаю и откидываюсь на стену.

Они переглядываются в тишине. Смотрят на меня. И смеются, еще громче прежнего.

– На, угощайся, – мне протягивают фольгу с кубиками шоколадки. – Крошка, у тебя богатая фантазия. Так с нами не будет.

Отворачиваюсь к окну.

Вот и Сергей с Ярославом вряд ли думали. И я сама. Во что спустя несколько месяцев превратится наша жизнь.

Открываю рюкзак и достаю из сумки телефон. Захожу в поиск, ввожу привычный запрос.

И читаю новости в городе, где я окажусь уже через несколько часов.

Глава 4. Сергей

– Это шутка такая?

Если бы шутка. Чувство юмора у меня есть, и столь покретински я бы не стал шутить. Не такими печальными вещами, как свадьба с Настей.

– Не шутка, Яр.

– И зачем? – друг бледен, он похудел, и больше всего на вампира смахивает. На вампира в убогом антураже российской системы исполнения наказаний. – Постой, она залетела, да? Ты трахал ее, и Настя залетела, и теперь тебе придется всю жизнь с этой сукой мучиться!

Мысленно перекрещиваюсь, хоть я и не религиозен. Для спокойствия я бы еще и сплюнул трижды, да только охранники не поймут. Упаси Боже иметь ребенка от такой, как Настя!

«А ведь придется. Вряд ли мне скоро позволят развестись с идиоткой, а будущий тесть уже намекнул, что хочет внука» – думаю с ужасом, только сейчас начиная понимать, в какую глубокую задницу я попал.

Зашибись просто.

Но Яр того стоит – лучший друг, почти брат, ближе никого нет у меня, даже отцу я так довериться не могу, как Воронцову. И год этот безумный, в который врагом его считал, почти меня уничтожил. Так что придется на Насте женить-

ся, хотя, я бы предпочел уйти в монастырь, лишь бы с сукой этой не связываться.

– Ну так что? Залетела, да? – допытывается Яр, и мне не остается ничего, кроме как ответить:

– Да.

Друг своим предположением оказал мне охеренную услугу, ведь он бы не понял, скажи я, что женюсь на Насте по большой любви. А правду говорить я не хочу – что не брак это, а гребаная сделка, от которой, как мне кажется, никто не выигрывает.

– Сочувствую, что еще я могу сказать. Насколько я помню, ты всегда боялся, что от тебя кто-то залетит, – Яр шутить пытается, и я поддерживаю это грустное веселье таким же смешком – невеселым и неуместным.

– Да ты тоже не горел желанием становиться папочкой.

– Мне и не светит в ближайшее время. И не в ближайшее тоже, – хмуро парирует Яр. – Ладно, забей. Я...

– Нет уж, Воронцов, по этапу ты не пойдешь, я ведь слово дал. Так что не спеши готовить перья и заточки, или чем вы, ээки, развлекаетесь на нарах. Скоро выйдешь! Месяц, два, и на свободе будешь, – говорю, и еле сдерживаю желание показать фак охраннику, насторожившемуся при упоминании заточек и перьев.

Яра нужно подбодрить, на него смотреть тошно, до того он паскудно выглядит. Но и о Насте я должен был сказать: в СИЗО, насколько я знаю, прекрасно узнают обо всех ново-

стях с воли, и лучше уж я сам сообщу другу, чем он услышит эту «приятную весть» от кого-то другого.

Мы ведь своего рода знаменитости сейчас: Яр – злодей и поганый мажор-маньяк, Настя – несчастная невеста, верившая подонку, а я – благородный герой, решивший жениться на этой самой несчастной невесте.

И имена наши в веках прославятся.

– Ева... – заговаривает Яр снова, а я зубами скриплю при упоминании этого имени, и обрываю его.

– Хватит о ней! Говорю же: уехала, дома пока, скоро вернется с каникул, тогда и пообщаемся по поводу... нее.

Имя произнести не могу, трясет всего. Чертова обманщица, лгунья! А я, как лох последний, удержать пытался, бежал на вокзал за ней, за Евой, наплевав на их знакомство с Богданом.

И на то, что Ева просто трусиха, которая даже пяти минут не дала, чтобы объяснить все. Все время лгала, и даже в последнюю нашу встречу пыталась выкрутиться, что Богдан – случайность.

Так я и поверил!

– Давай я продиктую тебе письмо Еве, а ты отправишь, – Яр, как помешанный, но он ведь правду не знает, да и не надо ему знать.

А слушать его признания в любви Еве я не готов, так что пора прощаться.

– Мне пора, Яр. Дела, я просто должен был сообщить про

свадьбу. А без письма она обойдется, скоро придет, и тогда... тогда все будет, – лгу другу, и вешаю трубку.

Ева... и не забыть ведь ее никогда, сам я как Яр, только пытаюсь пока в руках себя держать, и не рвануть в ее город – дела держат, Яр держит, и надежда на то, что Ева не вернется.

И что мы оба ее забудем, она ведь прекрасно без нас проживет.

Выхожу из здания СИЗО, забрав паспорт, и морщусь: Настя, все-же, дождалась меня. Стоит у машины, затягивается тонкой сигареткой, пахнувшей яблоками, и этот запах я в последнее время стал ненавидеть люто.

– Ну и как он? Обрадовался за нас? – хихикает «невеста». – Эх, жаль меня в этом списке посетителей нет, но я думаю попросить папу, чтобы он устроил мне свидание с Яром. Дорогой, ты ведь не будешь ревновать?

Вместо ответа вынимаю сигарету изо рта Насти, выкидываю ее в урну, и указываю на машину.

– Садись, хватит паясничать.

– Значит, будешь ревновать? – продолжает издеваться она. – Ох, неужели я дождалась глубоких чувств от своего жениха? Сереж, если поцелуешь меня, то я поклянусь, что никакого свидания с Яром у меня не будет. А если не поцелуешь – прости...

Отрываюсь от руля, не успев завести машину, и резко притягиваю Настю к себе за ее длинные волосы. Целую жестко,

болезненно и для нее, и для меня, дышать мешаю, и сам задыхаюсь от злости и отвращения, но продолжаю терзать ее губы, пока Настя сама не начинает вырываться.

Она оскорблена, глаза блестят, а на щеках розовый румянец, поверх которого искусственный оранжевый. Почувствовала ведь, не могла не почувствовать, что я испытывал, целуя ее.

– Что? Понравился поцелуй? – улыбаюсь ей нежно. – Так поехали домой, я тебя и трахнуть могу, если нейметя.

– Сволочь, – шипит она. – Это не ты меня трахать будешь, дорогой, это я вас всех поимела! И тебя, и Яра, и идиотку Лилу!

Невозможно не согласиться.

Пожимаю плечами, и завожу машину.

Глава 5. Ева

Выкатываю чемодан на платформу и оглядываюсь по сторонам, выискиваю рыжие волосы подруги.

Вечер, закат, перрон залит теплым оранжевым светом, уже не жарко, лето заканчивается.

– Еще увидимся, – говорят позади мои случайные попутчики. Они навеселе, только при мне выпили две бутылки виски. И как старой подруге, дают наставления. – Правильно питайся, сильно не нагружайся, не нервничай, и все такое.

Они шагают в сторону дверей и раздражаются хохотом.

Качаю головой.

Детский сад какой-то.

Но хотя бы не приставали, а не будь я беременна...

– А ты времени даром не теряешь, – звучит сбоку счастливый голос Оли. Ее руки стискивают мои плечи, она обнимает меня и щебечет. – Ева, как же я рада, что ты передумала и вернулась! Все правильно, жизнь продолжается, глупо бросать все из-за неудавшейся любви. Что за парни, кстати? – она стреляет глазками. – Симпатяги.

– Ты знаешь? – спрашиваю вместо приветствия и чмокаю ее в щеку. – Про свадьбу?

У подруги бегают глаза. Она ведет носком туфли по плитке и кивает.

– Так весь город знает, Ева. Это же такой скандал, таб-

лоиды три месяца мусолят, не отстанут от них. Так, ладно. Возьмем такси?

– И поедем к дому Сергея, – решаю.

– В смысле? – Оля шагает рядом, подпрыгивает на ходу. –

Зачем?

– Просто так. Может, увижу его.

– Следить будем?

Молчу, толкаю дверь.

Идем по залу ожидания, и я сама не знаю, зачем мне туда ехать. Он же наверняка с невестой, может, он и не выйдет из дома, а я с чемоданами, с поезда, уставшая и грязная, голодная.

Но мне надо.

Между нами теперь не тысяча километров, а жалкие крохи, я могу его увидеть, и я хочу, ведь фотография – это совсем не то, вживую все станет ясно, правда ли, счастлив он.

Выходим из здания вокзала, идем к площадке с машинами такси.

– В общагу как раз с сегодняшнего дня заселяются, нам предлагали, если хотим, переехать в другую комнату. Многие выпустились, – докладывает Оля. – Что думаешь?

– Родители настаивают, чтобы я снимала квартиру, – делюсь с подругой и морщу лоб. – Можно на двоих.

Садимся в такси. Кошусь в окно, на знакомый пейзаж, и в груди тепло, я словно снова дома, те три месяца лета, что провела у родителей чувствовала себя паршиво, такое стран-

ное ощущение, что там мне не место.

– Может, пока не поздно, в общагу? – предлагает Оля. Трогает мои распущенные волосы. – Ты такая красотка. Линзы?

– Да, – улыбаюсь.

– Ну вот, – Оля кивает. – Да ты теперь не хуже нашей королевы красоты, у тебя поклонников будет...

Я мрачней, и она осекается.

– Не подумав ляпнула, – бормочет.

Представляю Лилю и меня в холодный пот бросает, вернется она в универ после скандала? Все ведь знают про это изнасилование, будут у нее за спиной шептаться, жалеть.

– Не такая уж она и жертва, – зло хмыкает Оля. – Да у нее корона вместе с популярностью еще больше вырастет. – Будет строить из себя недотрогу, бедняжку с покалеченной судьбой, смотреть на всех свысока, да ей...

– Хватит, – обрываю.

Мне неприятно слушать, мне кажется, что Оля права.

Да, были доказательства, да, она плакала, да, Ярослава арестовали, но...

Вокруг него столько девушек, в невестах дочь губернатора, неужели он так голову потерял от Лили, вспоминал про ночь в отеле, и силой взял?

– Подъезжаем, – шепотом сообщает Оля.

Смотрю в окно, на знакомый дом, я здесь была всего раз, в ту злополучную ночь, когда они двое привезли Лилю в об-

шагу.

А маршрут с закрытыми глазами вспомню.

Нервно мну в пальцах край платья и в волнении кусаю губы, взглядом обшариваю двор, и сердце екает, когда замечаю черную машину Сергея.

Он дома.

– Девушки, выходите? – оборачивается к нам водитель. – Приехали.

– Нет, мы посидим, – судорожно открываю сумку и достаю кошелек. – Полчаса можно?

– Полчаса? – ужасается рядом Оля. – Ева, не сходи с ума.

– Пятнадцать минут, – сдаюсь и протягиваю деньги.

Если он не выйдет за это время – значит, не судьба.

Гипнотизирую подъезд, Оля в раздражении лопает пузыри жевательной резинки. Слежу за электронным табло на панели, минуты идут, а Сергей нет.

Пять, десять, четырнадцать.

И когда со вздохом откидываюсь на сиденье, и хочу назвать адрес общежития – открывается дверь.

И выходит он.

– Это он! – толкаю подругу, и она от неожиданности давится жвачкой, кашляет.

Взглядом впиваюсь в его высокую фигуру, светлые волосы, простые синие джинсы и шелковую белую сорочку. Он идет и оглядывается, что-то говорит.

За ним появляется высокий мужчина, похожий на него,

такой же блондин, с такой же улыбкой, отец. Наверное, он о чем-то пошутил, Сергей смеется.

За ними выходит женщина, мама. Под руку с...

Это Настя.

Черное элегантное платье, пальцы сжимают клатч. Волосы в высокой причёске, и выпущено несколько кудряшек.

Взгляд цепкий, она смотрит в спину Сергея, кисло улыбается, тянет руку и хлопает его между лопаток.

Он оборачивается, замедляет шаг, они идут рядом, останавливаются возле машины. Сергей открывает двери, женщины садятся в салон, а они с отцом вперед.

И он срывается с места.

Все.

– Девушки, семнадцать минут, – недовольно напоминает водитель, его голос, как стекловата царапает, трогаю ресницы, они мокрые, я, кажется, шмыгаю носом.

– Поехали, – командует Оля.

Отворачиваюсь от нее, стыдно своей слабости, у меня просто нестабильный эмоциональный фон, знаю, дело в этом, ладонью накрываю живот и шепотом обещаю малышу:

– Вот, посмотрели, он доволен жизнью, о нас и не вспоминает. Но ничего, мы с тобой тоже будем счастливы.

Обязательно.

Глава 6. Ярослав

Очередная очная ставка – и очередной цирк. Никогда его не любил.

Вот и сегодня я увидел глупое зрелище: Лиля, одетая скромнее послушницы лила слезы, упиваясь сначала всеобщей жалостью, которой даже следователи грешат – красивая, поруганная девочка. А затем она наслаждалась и всеобщим раздражением на ее слезоразлив.

Я и насильник, и подонок, сломавший ей жизнь. И даже здоровье успел испортить – липовые справки Лили наглядно об этом твердят. Как и заключение о тяжелой моральной травме, нанесенной мною.

И свидетели нарисовались, разумеется:

– Да, в комнате они были одни. Я слышала стоны, но не вошла, думала, что Лилию тошнит. Перепила она, – частит какая-то рыжая девка, на лису похожая. – Я и сама была выпившая. А Лиле он нравился, – кивает она на меня, и на лице то ли неприязнь, то ли страх, – вот я и решила не вмешиваться. Ну а потом этот... этот Лилию утащил. Если бы я знала, что он с ней сделал! Да я бы сразу полицию вызвала!

И так несколько часов: слезы, сопли Лили, ложь ее подруг, на меня направленная, да еще и эта чертова простынь, на которой мой биоматериал. Откуда, спрашивается? Или простынь – тоже липа, ведь моим адвокатам запрещают заказать

свои лабораторные исследования.

Липа, конечно. Не может там быть моих следов, эту дуру я не трогал, и не хотел трогать.

Есть Ева, и была. Всегда была, словно до нее не существовал никто – все эти многочисленные, но однообразные куклы ничто, не было их.

– Ева, – одними губами шепчу, оказавшись в камере.

И снова взгляд на подушку. Галстук этот – удар под дых. Не узнал, как мог не узнать? А она все время ведь ждала, чтобы мы поняли, увидели, потому и злилась на нас.

Девочка моя янтарная.

– Воронцов, на выход.

– Адвокат? – предполагаю, но конвоир отрицательно головой качает.

Интрига, однако. Зачастили ко мне, а ведь всего три свидания разрешено в месяц, и лишь с посетителями из одобренного списка. И лимит посещений закрыт.

Ева?

– Кто? – выдыхаю с надеждой.

– Узнаешь. Иди, не болтай. И... будь повежливее с посетителем, – советует идущий за моей спиной конвоир.

Еще интереснее. Иду к переговорной, даже унижения не чувствуя в этот раз, что в изоляторе, и что за моей спиной охранник, который при малейшем моем неверном шаге отходит дубинкой по спине, а затем в карцер отправит.

Редко удивляюсь в последние месяцы, плыву по течению,

а сейчас что-то изменилось. Но все же, жаль, что не Ева пришла – ее одну я был бы счастлив увидеть.

А войдя в светлую переговорную: белая перегородка, бежевые стены, белый пластик окон, я вижу черное массивное пятно напротив. Богдан – огромный, лысый детина в кожанке сидит за стеклом, и нагло лыбится мне.

– У вас десять минут, свидание неучтенное, без записи. Не советую об этом болтать, – шипит мне на ухо конвоир, и становится в угол, ближе к двери, отходя так далеко, как никогда не отходил.

А меня от злости колошматит – что ЭТОМУ нужно? Мало того, что бизнес похерил, так теперь еще и пришел посмеяться, зная, что я пока ответить не в состоянии?

Он в окно стучит пальцем, и загибает его в сторону черной трубки, к которой я подхожу, и прижимаю к уху.

– Здравствуй, Ярослав.

– Какого хера надо? – голос сиплый, фамильное бешенство накатывает редко, и всегда невовремя.

Кажется, сегодня меня ждет карцер.

– Как грубо. Поговорить пришел.

– Ну х*й бы ты не пошел?

– Заключение не красит, – смеется Богдан, а взгляд полон презрения. – По себе знаю.

– Так зачем ты пришел? Отнимать у меня больше нечего: бизнеса нет, репутации тоже, вообще ничего нет, даже невесты.

Настю бы с радостью отдал, но идиотка от Серого залетела. И друга жаль, и ребенка этого несчастного, который в такой семье родится.

– Поговорить пришел, угомонись. И от Евы привет передать. Тебе, кстати, понравилась моя посылка? – Богдан ее именем бьет, неуместно оно звучит, они вообще несовместимы – Богдан и Ева могли лишь в параллельной вселенной пересечься.

Но тем не менее.

– Что? О чем ты?

– Желтый галстук. Девочка специально хранила его, – довольно отвечает бандит, – для подобного случая. Ты прав, я не для пустых разговоров пришел, я с очередным подарком – с неприятной правдой.

С правдой, которую я не хочу слышать. Знаю, что не хочу, хотя толком Богдан пока ничего не объяснил, но лучше бы ему не приходиться сюда. Лучше бы мне повесить трубку, и отказаться от этого свидания.

Но я сижу, а Богдан говорит:

– Зря вы девочку обидели, нехорошо так с женщинами. Хотя, ты не одну Еву обидел, думаю.

– Мы не...

– Замолчи. Я ведь сказал, что разговора не будет, будет монолог. Ева просила суда дожидаться, чтобы тогда тебе все рассказать, а не сейчас, но Евы ведь нет. А суд неизвестно когда, – подмигивает ублюдок. – Так вот: зря вы сделали то,

что сделали. Женщины обидчивы, и способны на самую подлую месть. А уж если в этом готов помочь сочувствующий мужчина – получится то, что с вами. Понимаешь?

– Не совсем, – хриплю в ответ, хотя я все понимаю.

Ева знакома с Богданом.

Ева передала ему галстук.

Ева предала.

– Девочка обиделась на вас: поимели, и бросили. А я не люблю, когда хороших девочек обижают тупые мажоры, и мы с Евой решили, что вас нужно наказать. Сначала бизнес... да-да, думаешь, стал бы я так рисковать просто из-за мелкой конторки, которой три секунды от роду? Разумеется, нет! Но Ева хорошо придумала, умная она девочка. И с Лилей отлично получилось, они ведь так похожи... если издали смотреть, – хохотнул Богдан. – Ну вы и придурки! Вы и бизнес потеряли, и встряли в обычный женский обман, заплатив за это свободой. Справедливо, думаю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.